ОТЗЫВ

ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

О ДИССЕРТАЦИИ ДЕГТЕРЕВА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

«ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРСОНАЖА В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 1860-80-Х ГГ.: АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКСИОЛОГИИ»,

ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ

УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.01 — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Несомненен первопроходческий характер диссертационного сочинения Николая Александровича Дегтерева, поскольку оно посвящено изучению ключевых произведений русской литературы XIX века о духовной школе, в течение долгого времени остававшихся на дальней периферии исследовательского внимания. Кроме того, этот важный пласт отечественной словесности рассматривается соискателем с точки зрения художественной аксиологии — в центре его труда оказывается ценностный анализ духовной культуры литературных персонажей, вступающих на путь религиозного служения и с этой целью получающих образование в духовных учебных заведениях: семинарии/бурсе и академии. Погружаясь в освоение такого рода проблематики (весьма сложной, неизбежно выводящей на междисциплинарные перекрестки, на тесное взаимодействие с различными областями знания: религиоведением, философией, социологией, педагогикой и др.), литературоведение решает задачи, вечно актуальные для гуманитарной науки как таковой. И сам факт, что соискатель отважился на такой труд, представляется весьма отрадным.

Помимо названных выше положений, **актуальность избранной темы** связана с доминирующей методологической установкой Николая Александровича — несмотря на междисциплинарный посыл, его работа отчетливо нацелена на решение специально филологических задач, углубление в «технику» литературоведческого исследования: на описание доминант и универ-

салий поэтики, текстологический анализ, изучение творческих и биографических материалов, создание историко-литературного комментария, перепроверку и уточнение накопленных наукой знаний по избранной теме и др. При этом существенно, что Николай Александрович, всесторонне и во всех подробностях анализируя тексты, демонстрирует виртуозное владение филологическим инструментарием.

Композиция работы отличается глубокой продуманностью и стройностью, она логически выверена вплоть до мельчайшей структурной детали; после Введения, где рассмотрены установочные теоретические концепты, представлены основные вехи изучения истории духовного образования, кратко проанализирована литература вопроса и перечислены художественные и мемуарные сочинения и научные труды по теме, следует основная часть, состоящая из трех глав, представляющих анализ поэтики наиболее репрезентативных художественных произведений о духовной школе: «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского, «Дневника семинариста» И. С. Никитина и «Миражей» Г. И. Недетовского. В Заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы. Представительный список источников и литературы содержит 211 позиций.

При этом Николай Александрович с необычайной обстоятельностью и взыскательностью обсуждает каждый свой исследовательский прием, постоянно держит в поле зрения каждый элемент своего научного поиска. Поэтому ясная строгость взаимного соположения отдельных частей и их гармоническое единство, очевидные сами по себе, получают дополнительные мотивировки.

Введение, заключающее в себе все необходимые содержательные элементы этого структурного подраздела, отличается четкостью и ясностью формулировок и внушительной теоретической оснащенностью и проработанностью понятийного аппарата. Обращает на себя внимание высокая степень научной апробации положений диссертации — на многочисленных представительных конференциях, семинарах и кафедральных заседаниях и

в 7 научных публикациях. Отметим небольшой недочет: при перечислении мемуарных текстов о духовной школе упущены из виду два важных текста, целиком посвященные этой теме: книга архиепископа Никанора (Бровковича) «Наша светская и духовная печать о духовенстве: воспоминания бывшего альта-солиста» (СПб., 1884, за псевд.: А. Б-ъ) и «Воспоминания» филолога Ф. А. Гилярова, двоюродного брата драматурга А. Н. Островского, помещенные в первых шести книжках «Русского архива» за 1904 год. Замысел мемуаров Никанора прямо связан с «Очерками бурсы», которые здесь объявляются «пасквилем на духовенство»; о самом же Помяловском автор отзывается так: «Ребяческие, грубоватые ребячества он превратил в гнусные пороки» (цит. по: Указ. соч., с. 3, 9). Кстати, в замечательно полно представленных и проанализированных прижизненных и посмертных откликах на произведения Помяловского, Никитина и Недетовского нам все же не хватило отзывов представителей духовного сословия, критиковавших эти сочинения, так сказать, изнутри церковных стен, в духовной журналистике (указания на эти отзывы собраны в библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков», изданном Пушкинским Домом в 2002 году). Впрочем, наше замечание нисколько не умаляет достоинств диссертационного труда и служит лишь рекомендацией к будущей доработке текста, если, например, автор решит его издать.

Глава 1 (**«Авторская аксиология в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского»**) — самая обстоятельная в исследовании, она занимает около трети листажа и состоит из пяти разделов, сами названия которых свидетельствуют о необыкновенном разнообразии как применяемых соискателем теоретических подходов к анализу текста, так и использованных им практик целого ряда научных школ последней трети XX-го — начала нынешнего века.

В *разделе 1.1* («Жанровые особенности книги Н. Г. Помяловского»), как и в начальных разделах других глав, Николай Александрович убедительно раскрывает неоднозначную, синтетическую природу анализируемого произведения, не совпадающую с авторским определением жанра. Здесь же из-

лагается творческая история произведения и выявляются литературные источники образов бурсаков у Помяловского: диссертант обращается к сочинениям Фонвизина, Нарежного, Гоголя, Квитко-Основьяненко, Н. Д. Хвощинской и др., а также к исследовательской литературе, посвященной этим писателям. Отмечая наличие в «Очерках бурсы» публицистического элемента, Николай Александрович дает целый перечень злободневных общественных проблем, на которые откликается Помяловский. Столь же насыщенны в содержательном отношении и все другие разделы первой главы, наглядно демонстрирующие **достоверность** и **новизну** аналитических выводов, опирающихся на эмпирические данные, по большей части впервые интерпретированные столь оригинально и глубоко.

Далее диссертант обращается к структурной организации «Очерков бурсы» и показывает, что ее основу составляют бинарные оппозиции; их типизация в работе проведена с опорой на труды Ю. М. Лотмана. При описании оппозиции «начальство — товарищество» плодотворно предположение соискателем о заложенной в ней аллюзии на «Тараса Бульбу» Гоголя, что далее подтверждается содержащимися в тексте уподоблениями бурсачества казацкой вольнице.

Особенно же важен *раздел 1.3* («Сакральное и профанное в “Очерках бурсы”»), где соискатель, отталкиваясь от труда М. М. Бахтина о народно-площадной ренессансной культуре, сумел по-новому взглянуть на произведение Помяловского и фактически заново его открыть, объяснив, почему, несмотря на изображенные в нем ужасы, оно обладает внутренней свежестью, а его персонажи вызывают живое сочувствие. Оппозиция сакрального и профанного, по справедливому утверждению диссертанта, воплощается в изображении «жизни, противостоящей смерти, которая выразилась в “праздничности”, “карнавальности” мироощущения бурсаков и во всяческих их проделках» (Дис., с. 52). Методологически плодотворны повышающие **теоретическую значимость** диссертации дальнейшие рассуждения о возможности и границах применения литературоведами религиоведческих категорий «свя-

щенное», «сакральное», «профанное», а также апробирование этих теоретических построений в практике конкретного анализа (Дис., с. 53–62). Кропотливое исследование «Очерков бурсы» талантливо продолжено исследованием языка произведения в *разделе 1.4* («Функции и виды “чужого слова” в произведении Н. Г. Помяловского») с опорой на работы М. М. Бахтина о Достоевском и Б. М. Эйхенбаума о сказе, а завершается актуализацией основной проблематики диссертации в *разделе 1.5* («Аксиологическая проблематика телесных наказаний в “Очерках бурсы”»), изобилующем, как и вся глава, ценными попутными заметками комментаторского характера, которые усиливают **практическую ценность** диссертации.

Выскажем некоторое наше недоумение: начиная с названия диссертации и раздела «Введение» Николай Александрович относит и «Очерки бурсы», и другие два анализируемые им произведения к *беллетристике* (правда, приводя в одном месте заключение исследовательницы Ю. Ф. Кленовой о том, что это понятие пока «не имеет единой исследовательской базы», — цит.: Дис., с. 18). Однако фактически на протяжении 50 страниц, посвященных произведению Помяловского, диссертант своим анализом доказывает обратное: «Очерки бурсы» под его пером предстают произведением с многоуровневой семантикой, своеобразным языком и стилем, поднимающим вечные вопросы жизни и смерти, художественно убедительно заостряющим тему поруганного детства, поднимающим проблему социального и духовного насилия над человеком и манипулирования им. Произведение живет в нашей культуре уже более полутораста лет и ощущается свежо. Какая же это беллетристика? И то, что «Очерки бурсы» оборваны на полуслове, некритично — ведь, как известно, и вершинные творения русской классики («Евгений Онегин», «Мертвые души» и др.) не завершены. Более точно, на наш взгляд, определение «литература второго ряда». Отдельные же черты, традиционно приписываемые «беллетристике», можно отыскать и в высокой классике.

К беллетристике (понятие, маркированное достаточно негативно!) мы бы согласились причислить разве что «Миражи» Недетовского с его доволь-

но ходульными сюжетными ходами и явной тенденциозностью, — но никак не «Дневник семинариста» Никитина, которому посвящена *глава 2* (**«Поэтика образа героя в повести И. С. Никитина “Дневник семинариста”»**). Это произведение обладает наивной и чистой задушевностью — качеством, которое, впрочем, должно быть по определению присуще прозе истинного поэта. Представляется, что эта полузабытая повесть — настоящая жемчужина русской прозы. И наше читательское восприятие «Дневника семинариста» совершенно упрочилось по ознакомлении с его разбором в диссертации.

Вся глава представляет собой удачный опыт вдумчивого прочтения этого произведения, комплексный анализ которого под углом изучаемой темы начинается с установления его жанрового своеобразия. Диссертант, привлекая мемуарно-биографические материалы, приходит к удачно сформулированному выводу о «взаимодействии <…> разнонаправленных стихий»: «дневниковый дискурс <…> — это центробежная сила, а художественная повесть — центростремительная» (Дис., с. 83).

Раздел 2.2 («Выбор образования как ценностный выбор героя в повести И. С. Никитина») затрагивает самое существо проблематики рецензируемого труда. Выбор героев Яблочкина и Белозерского между семинарией и университетом в пользу последнего рассматривается в контексте «ценностной поляризации», диктуемой реальными обстоятельствами середины XIX века, которые стимулировали кризис церковной жизни, отразившийся, в частности, на судьбе таких выходцев из духовного сословия, как Добролюбов и Чернышевский.

Об **инновационном характере** работы отчетливо свидетельствует содержание *раздела 2.3* («Документально-художественный хронотоп в “Дневнике семинариста”»), плодотворно развивающего идеи М. М. Бахтина, И. Б. Роднянской, О. Г. Егорова, С. Н. Зенкина, и *раздела 2.4* («Круг чтения героя и проблема ценности художественной литературы»), где подробно анализируются различные нюансы экспонирования в повести Никитина проблемы «текста в тексте».

Глава 3 (**«Духовная культура персонажа в повести Г. И. Недетовского “Миражи”»**) возвращает в исследовательское поле творчество известного в свое время, но незаслуженно забытого писателя, лишь эпизодически привлекавшего внимание, да и то всего двух литературоведов — В. Н. Болдырева в 1971 году и В. И. Кузнецова в 1980-м, посвятивших Недетовскому работы, не претендующие на исследование его поэтики. Этот пробел в нашей науке взялся восполнить диссертант на материале лучшего произведения писателя — его повести «Миражи», и справился с этим прекрасно.

Выделяется *раздел 3.2* («Экспозиция героя и сюжета в повести “Миражи”»), хорошо демонстрирующий творческий потенциал диссертанта как исследователя. Отметим, например, поистине исчерпывающий анализ эпитетов, которыми характеризуются глаза главного героя Рокова, — в сопоставлении с соответствующими эпитетами у Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, М. Булгакова и с углублением в теорию иконописи (Дис., с. 123–125). Не менее интересен *раздел 3.3* («Религиозность главного героя как ценностная проблема»), раскрывающий «собственно религиозное отношение Рокова к действительности» (Дис., с. 130). Здесь Николаю Александровичу приходится подчас пробираться нехожеными тропами, привлекая к эстетическому анализу сведения из разных богословских дисциплин, в частности — истории церкви, библейской экзегезы, апологетики, пастырского и нравственного богословия. В целом анализ «Миражей» содержит убедительную систему доказательств, которые свидетельствуют о том, что религиозность главного героя «достаточно специфична, она ближе не к духовному, а к социальному измерению жизни» (Дис., с. 140) и что сюжет повести, конститутивным свойством которого, по точному определению соискателя, является «кумулятивность», как нельзя лучше раскрывает «авторскую концепцию — концепцию жизни главного героя как “миража”» (Дис., с. 159).

Отдельно отметим несомненные стилистические достоинства диссертации, особенно педантичную меткость, образность и эффектность большинства оценочных формулировок.

Да и в целом диссертация обладает многими достоинствами, самое главное из которых, на наш взгляд, то, что буквально каждое положение работы, каждый ее тезис открывает нечто новое, причем все обоснования выглядят весьма взвешенными, многоаспектными и вполне исчерпывающими. Несомненно, что диссертация Н. А. Дегтерева относится к тем отрадным явлениям в филологии, которые открывают как бы иное измерение в изучении предмета, дают весомый прирост научного знания.

Отметим незначительные огрехи технического свойства.

На с. 32 указано, что очерк Н. А. Благовещенского о Помяловском помещен «в № 101 журнала "Современник" за 1864 год». Поскольку 101 — это номер тома, то допустимо было бы написать: «в 101-м томе "Современника"». Но, конечно, корректнее звучало бы: «в № 3» или «в мартовской книжке "Современника"».

На с. 39 упомянута статья «Князь Орлов и Филарет митрополит», опубликованная в «Колоколе» за подписью «И-ръ». Стоило бы указать, что это псевдоним А. И. Герцена («И<сканде>ръ»).

На с. 51 название книги М. М. Бахтина приведено как «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В начале заголовка выпало слово «Творчество».

В Заключении, на с. 161, в ряду представителей духовенства, интересовавшихся светской культурой, назван «арх<имандрит> Иоанн (Бухарев)», истинное имя которого — Феодор (Бухарев).

Кроме того, неосторожно следующее утверждение диссертанта на с. 75: «Проблема телесных наказаний в 1850-х – начале 1860-х гг. обсуждалась в основном в публицистических текстах <…>. Среди художественных произведений об этой проблеме упоминала только повесть И. С. Никитина "Дневник семинариста" <…>». На деле еще до появления произведений Помяловского и Никитина проблема жестокости при наказании детей розгами уже поднималась известными писателями, — стоит вспомнить сказку Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829), повести

Л. Н. Толстого «Детство» (1852) и С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858).

В заключение скажем, что упомянутые недочеты совершенно незначительны и, разумеется, не могут бросить тень на достоинства удивительно трудоемкого и зрелого исследования Н. А. Дегтерева, свидетельствующего о вступлении на филологическое поприще даровитого ученого, от которого мы вправе ожидать новых научных свершений и открытий. Все положения его работы, вынесенные на защиту, убедительно аргументированы, отличаются новаторством и вызывают на дальнейшие размышления. В диссертации решена важная **научная задача** в изучении проблемы «духовного образования и духовной культуры персонажа» в русской литературе 1860–1880-х годов, что имеет существенное значение для исследований в области художественной аксиологии, жанрологии и поэтики прозы не только Н. Г. Помяловского, И. С. Никитина и Г. И. Недетовского, но и других писателей. Кроме того, диссертация, на наш взгляд, дает отточенный исследовательский инструментарий для будущих изысканий в области русской литературы и, более того, позволяет по-новому, более глубоко постигать ее насущные проблемы.

Достоверность результатов исследования подтверждается серьезной теоретико-методологической базой, адекватными теоретико-практическим задачам работы методами и приемами анализа.

Автореферат и включенные в него 7 публикаций, 3 из которых в изданиях из Перечня ВАК, соответствуют исследуемой проблематике и отражают основное содержание диссертационной работы. Полученные Николаем Александровичем научные результаты целиком и полностью соответствуют паспорту заявленной специальности.

Диссертационное исследование Николая Александровича Дегтерева на тему «Духовное образование и духовная культура персонажа в русской беллетристике 1860-80-х гг.: аспект художественной аксиологии» является научной квалификационной работой, в которой на основании выполненного

автором исследования разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Диссертация, представленная к защите по специальности 10.01.01 — Русская литература на соискание ученой степени кандидата филологических наук, отвечает критериям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученой степени»), и ее автор, Николай Александрович Дегтерев, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — Русская литература.

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 — Русская литература),
ведущий научный сотрудник,
заведующий Центром по изучению традиционалистских
направлений в русской литературе Нового времени
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

28 марта 2022 года Андрей Петрович Дмитриев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук»;
199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4;
тел. раб.: 8 (812) 328-19-01, тел. моб.: 8 (921) 444-39-11;
e-mail: apdspb@gmail.com;
официальный сайт организации: http://pushkinskijdom.ru/

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)
199034 г. Санкт-Петербург наб. Макарова д. 4
Подпись Дмитриева А.П. удостоверяю
главный специалист по кадрам Е.А. Сукач
«28» марта 2022 г.